

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ОШИБКИ В НАЛИЧИИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ИСКЛЮЧАЮЩИХ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ, ПО РОССИЙСКОМУ И БЕЛОРУССКОМУ УГОЛОВНОМУ ПРАВУ

Проблема юридической оценки ошибки в наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния, является актуальной как для российской, так и для белорусской практики применения уголовного законодательства. Прежде всего она обусловлена длительным игнорированием законодателем обеих стран необходимости нормативного урегулирования этого явления. Так, до 1999 г. обоснования юридической оценки причинения вреда в условиях заблуждения лица относительно наличия условий правомерности обстоятельств, исключающих преступность деяния, существовали только на уровне судебного и доктринального толкования. Поскольку Российская Федерация и Республика Беларусь являлись одним государством – СССР, то единые разъяснения для российских и белорусских правоприменителей давались в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 16 августа 1984 г. № 14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств». Характерно, что в этом акте судебного толкования указывался только такой вид ошибки, как мнимая оборона, а также предлагались варианты ее квалификации.

Ситуация изменилась с момента принятия Уголовного кодекса Республики Беларусь 1999 г., в ст. 37 которого содержатся правила юридической оценки заблуждения лица относительно его нахождения в состоянии необходимой обороны, крайней необходимости либо задержания преступника. Норма, предусматривающая частный случай ошибки в степени и характере опасности нападения при необходимой обороне и его правовые последствия, появилась в 2003 г. и в Уголовном кодексе Российской Федерации (ч. 2.1 ст. 37).

Следует констатировать, что названные нормы решили ряд сложных вопросов, возникающих при юридической оценке заблуждения лица относительно оснований и пределов правомерности причинения вреда уголовно охраняемому объекту, поэтому эти новеллы белорусского и российского законодательства заслуживают позитивной оценки.

Вместе с тем нельзя не отметить и существенные просчеты, допущенные при нормативном регулировании рассматриваемого вида ошибок. Так, в УК Республики Беларусь остались неразрешенными следующие концептуальные вопросы. Во-первых, неясно, почему нормативное закрепление получили только ошибки в наличии состояния необходимой обороны, крайней необходимости либо задержания преступника, в то время как в гл. 6 УК Республики Беларусь содержатся шесть обстоятельств, исключающих преступность деяния. Во-вторых, так называемую извинительную ошибку предписывается оценивать по правилам ст. 34–36 УК, в то время как по своей юридической природе они являются не уголовно-правомерными деяниями, а юридически значимыми деяниями, предусмотренными нормами уголовного закона, а именно видом извинительной ошибки. В-третьих, не получил нормативного разрешения вопрос о квалификации превышения пределов обстоятельств, исключающих преступность деяния, лицом, добросовестно заблуждавшимся относительно наличия их соблюдения.

Учитывая, что в УК РФ нормативно урегулирован только вопрос относительно юридической оценки действий лица, не имевшего возможности вследствие неожиданности посягательства объективно оценить степень и характер опасности нападения, то и остальные вопросы, урегулированные в белорусском законодательстве, разрешаются на доктринальном и судебном уровнях. Во-первых, это в отдельных аспектах предполагает применение уголовного закона по аналогии, что не соответствует принципу законности. Во-вторых, является одной из причин неправильного применения уголовного закона, вследствие чего лица, добросовестно заблуждавшиеся в наличии оснований и соблюдении пределов правомерности обстоятельств, исключающих преступность деяний, привлекаются к уголовной ответственности.

В сложившихся условиях неполноты нормативного урегулирования ошибки в наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния, разрешение вопросов юридической оценки этого явления следует осуществлять с учетом теоретических представлений об уголовно-правовой ошибке в целом. В настоящее время довольно обоснованной является выделение извинительной и неизвинительной ошибок в наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния, а также ошибок относительно оснований и пределов их правомерности.

«ЦИФРОВЫЕ НАРКОТИКИ» СКВОЗЬ ПРИЗМУ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

В середине 2000-х гг. в сети Интернет началось распространение аудиофайлов, способных, по заявлениям популяризаторов, вызывать эйфорические состояния, сходные с эффектом от употребления наркотических средств, психотропных веществ либо (или) их аналогов. Сначала в США и западноевропейских странах, а потом и в Республике Беларусь среди определенной аудитории появилось понятие «цифровые наркотики».

«Цифровые наркотики» или как их еще называют «аудионаркотики», «цифровой допинг», «айдозеры» или *psychedelic music* представляют собой специально созданную музыку (шумы), запускаемую с определенной частотой, предположительно вызывающую психоактивное действие и эффект опьянения. Данный эффект достигается за счет использования в подобных аудиоматериалах бинауральных ритмов, т. е. пульсаций, возникающих вследствие взаимодействия двух различных звуков, отличающихся в частоте примерно на 25 Гц, которые, накладываясь друг на друга, вызывают периодический резонанс, почти не воспринимаемый органами слуха человека, но идентифицируются мозгом.

Бинауральные ритмы, сначала синхронизирующиеся с частотами мозговых волн, а потом воздействующие на них и подстраивающиеся к своей частоте, были открыты немецким физиком Г.В. Дофе еще в 1839 г., после чего неоднократно предпринимались попытки их использования в медицине, в частности при лечении депрессии, стресса и других психоэмоциональных расстройств, а также в различных других областях – от улучшения памяти и повышения эффективности обучения до медитации.

Однако в начале XXI в. компания I-Doser, а вслед за ней многие другие компании и сайты стали предлагать звуковые файлы, выполненные с применением бинауральных ритмов, в целях достижения эффекта наркотического опьянения. При этом, если некоторые названия таких звуковых файлов являются вполне абстрактными и, соответственно, приемлемыми («Быстрое счастье», «Рука Бога», «Антигрусть», «Жажда жизни», «Астрал», «Победа» и т. д.), то другие прямо называют вид наркотического средства или психотропного вещества, эффект от употребления которого они якобы вызывают («Марихуана», «Травка», «Цифровой МДМА», «Опиум», «Кокаин», «Экстази», «ЛСД», «Кислота» и т. п.). При этом, как правило, такие звуковые файлы сопровождаются описанием изменений психического состояния человека, на которые они нацелены: повышение двигательной активности, общий подъем душевных и физических сил, подъем настроения, увеличение работоспособности, самоуверенности, либо галлюциногенное действие, седативный эффект, снижение уровня сознания, эйфорию. Отзывы реальных пользователей, размещенные в интернете, содержат указания на расширение зрачков, появление тяжести в голове, сонливость, смех, эйфорию, искажению звука, неуклюжесть, потерю ловкости и потерю равновесия в результате прослушивания «цифровых наркотиков».

Сайты, подобные I-Doser.com, содержат адресованную потенциальным пользователям информацию о полной безопасности и легальности использования таких файлов, не ведущих, по их заверениям, к привыканию. При этом данное положение ставят под сомнение ученые и врачи. Так, в 2016 г. учеными российского Института экспериментальной медицины было проведено изучение влияния бинауральных звуков на мозговую деятельность. При этом были выявлены нарушения работы мозга добровольцев, участвующих в исследовании, и как следствие – серьезные изменения электроэнцефалограммы, сходные с результатами исследования активности головного мозга страдающих эпилепсией. Специалисты пришли к выводу, что подобные аудиофайлы могут нанести вред здоровью, сопоставимый с наркотическими средствами, и привести к психическим расстройствам и к формированию психической зависимости. Другие специалисты отмечали, что потребление «цифровых наркотиков» с большой вероятностью приводит к головным болям, частичной потери памяти и угнетению мозговой деятельности. Кроме того, несмотря на то, что распространители бинауральных музыкальных файлов утверждают, что такая альтернатива отвлекает от употребления реальных наркотических средств, наркологи, как правило, указывают, что «цифровые наркотики» напротив могут спровоцировать начало потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, так как искусственно снимают соответствующие социальные запреты. Как точно заявил американский нейрохирург Н. Теодор, использование «цифровых наркотиков» является индикатором готовности человека к использованию психоактивных веществ.

Нельзя не отметить, что с уголовно-правовой точки зрения отнесение тех или иных веществ к наркотическим средствам и психотропным веществам осуществляется по физическому, медицинскому, юридическому и социальному критериям. Так называемые «цифровые наркотики» им не соответствуют. Во-первых, аудиофайлы не являются химическими веществами и, следовательно, не имеют физического признака. Во-вторых, отсутствует юридический признак, который позволяет выделить из совокупности всех средств и веществ, обладающих психоактивными свойствами, те, которые признаются наркотическими средствами и психотропными веществами, и за незаконные действия с которыми наступает уголовная ответственность. В-третьих, исследований, однозначно устанавливающих медицинские последствия, характерные для потребления наркотических средств и психотропных веществ, а именно воздействие на центральную нервную систему и психические функции, приводящее к состоянию опьянения и формированию зависимости, а также к развитию толерантности, в настоящее время не имеется. В-четвертых, социальный признак, отражающий общественную опасность злоупотребления и потенциальную возможность или реальное поражение различных сфер жизни и создание угрозы для здоровья населения, также отсутствует. По аналогичным основаниям нельзя отнести бинауральные аудиофайлы и к аналогам наркотических средств, психотропных веществ, которыми в соответствии с действующим законодательством являются химические вещества, структурные формулы которых образованы заменой атомов водорода в структурных формулах наркотических средств, психотропных веществ на заместители атомов водорода.

В связи с вышеуказанными обстоятельствами действия с «цифровыми наркотиками» (от потребления и изготовления до распространения и склонения к потреблению) не являются ни административными правонарушениями, ни преступлениями. Квалификация по статьям Уголовного кодекса Республики Беларусь, устанавливающим ответственность за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов, недопустима в связи с отсутствием посягательства на соответствующий объект (как видовой, так и непосредственный) и предмет преступления. Уголовным законодательством Республики Беларусь не предусмотрена ответственность за пропаганду наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов с учетом того, что данный состав охватывал бы и действия по распространению информации или сбыту аудиофайлов с названиями наркотических средств или психотропных веществ.

Кроме того, отметим, что состояние измененного сознания, вызванное прослушиванием рассматриваемых звуковых файлов, с точки зрения уголовного законодательства не может быть признано состоянием опьянения, так как под таким состоянием в уголовном законе понимается состояние алкогольного опьянения либо состояние, вызванное потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ.

Таким образом, ограничиваясь юридической стороной вопроса и не давая оценок вредности и опасности «цифровых наркотиков» для здоровья человека и населения в целом, отметим, что хотя их правовой статус в настоящее время не

определен и какие-либо запреты на действия с ними отсутствуют, по нашему мнению, их распространение является еще одним весомым аргументом к установлению в Республике Беларусь уголовно-правового запрета на пропаганду наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов.

УДК 343.97 + 343.91-053.6

А.В. Дубницкая

ПСИХИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ В МЕХАНИЗМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Психическое насилие представляет собой негативное воздействие на психику человека, которое в зависимости от конкретных условий может быть уголовно наказуемым или образовывать состав административно-правового деликта либо никак не регламентироваться. Помимо этого психическое насилие является фактом, способствующим криминализации и виктимизации личности. Так, влияние отдельных видов психического насилия на формирование преступного поведения исследовалось в научных трудах Ю.М. Антоняна, А.И. Долговой, С.Л. Сибирякова, А.И. Савельева и иных авторов.

Являясь особым криминогенным феноменом, психическое насилие относится к социальным и психологическим факторам криминализации личности. Несовершеннолетние сталкиваются с различными формами психического насилия (жестокое обращение, унижения, оскорбления) в семье, учреждениях основного и дополнительного образования, неформальных малых группах, на улице, но не всегда способны конструктивно противостоять насильственным практикам. Нередко конфликты между подростками заканчиваются причинением тяжкого вреда здоровью или даже убийством.

Рассмотрение психического насилия в механизме формирования преступного поведения несовершеннолетних является криминологически значимым с научной и практической точек зрения. Изучение общетеоретических и частных аспектов данной проблемы является перспективным криминологическим направлением, о чем свидетельствуют следующие аргументы. Во-первых, определение роли психического насилия в механизме формирования преступного поведения позволит конкретизировать обстоятельства, способствующие мотивации преступного поведения несовершеннолетних, а также роль психического насилия в конкретной ситуации. Во-вторых, выявление механизмов влияния психического насилия на формирование преступного поведения несовершеннолетних позволит объяснить некоторые мотивы их преступлений, построить более конкретную и целенаправленную предупредительную работу.

В детском и подростковом возрасте личность обладает гораздо большей пластичностью, чем в более поздний возрастной период. Этим обосновывается особое влияние деформирующего воздействия психического насилия на личность несовершеннолетнего. В целом механизм преступного поведения несовершеннолетних ничем не отличается от механизма преступного поведения взрослого человека и традиционно включает в себя следующие элементы: формирование мотивации, принятие решения (в том числе подготовку и планирование), исполнение решения (совершение преступного деяния), посткриминальное поведение. При этом человек, совершающий преступление, всегда взаимодействует с внешней средой (конкретной жизненной ситуацией). Чтобы понять, каким образом психическое насилие воздействует на формирование мотивации преступного поведения, необходимо проанализировать каждый из этих элементов более детально.

Мотивация представляет собой сложный процесс возникновения, формирования, изменения мотива преступного поведения, цели и принятия решения. Мотив – внутреннее побуждение к желанию или действию, которое возникает под воздействием внешней среды и конкретной ситуации через преломление личностных характеристик человека. Наиболее распространенными формами проявления психического насилия во внешней среде являются: оскорбление, унижение, запугивание, игнорирование, отвержение, изолирование. Часто несовершеннолетний, который подвергся или систематически подвергается психическому насилию, испытывает прямые последствия осуществления насилия – психологические травмы. Психологические травмы фиксируются как травматический опыт в сознательной или бессознательной сферах психики лица, которые оказывают влияние на образ жизни человека и его поведение, на формирование мотивов.

Ю.М. Антонян в эмпирических исследованиях личности виновных в совершении насильственных преступлений против детей доказал взаимосвязь перенесенного в детстве психического насилия преступниками, которые в разные годы своей жизни подвергались оскорблениям и унижениям со стороны родителей или лиц, их заменяющих, а затем сами совершали насильственные преступления против детей до 12 лет. Данные исследования иллюстрируют влияние психического насилия на сферу бессознательное в личности человека и, как следствие, на фиксирование травматического опыта, который может актуализироваться в состоянии опьянения или любой психотравмирующей ситуации.

Воспоминания перенесенного психического насилия, в отличие от бессознательных процессов, осознаны и могут вызывать временные или постоянные изменения в поведении, а также индуцировать перестройку личности. К таким ситуациям относятся, например, пребывание в обстановке затяжных конфликтов между родственниками, в которых происходят ситуации убийства, при этом распространены случаи, когда потерпевший сам являлся инициатором конфликта, издевался, оскорблял, угрожал убийством несовершеннолетнему преступнику. Данная ситуация служит наглядным примером влияния различных форм психического насилия на формирование мотивации и мотивов совершения преступления.

Немаловажную роль в формировании преступного поведения несовершеннолетних играет конкретная жизненная ситуация, которая может быть связана с психическим насилием. Конкретная жизненная ситуация в данном случае связана с сочетаниями определенных обстоятельств жизни человека и психического насилия как состояния или события, способствующего совершению преступления несовершеннолетним, например убийство в состоянии аффекта сверстника, вызванное неоднократным оскорблением и унижением лица. Длительность актов психического насилия и личностные характеристики